

люди искусства

НЕ УСТАВАТЬ УДИВЛЯТЬСЯ

А. ВОЛЬФСОН

Солиден список поставленных А. Дунаевым спектаклей в Московском драматическом театре на Малой Бронной, и с каждым годом именно эти спектакли все более весомо, солидно и вместе с тем страстно определяют творческое лицо театра, вносят все более ясно различимую ноту в полифонию московских театральных сезонов. «Лунин, или Смерть Жака...» Э. Радзинского, «Отпуск по ранению» В. Кондратьева, «Равняется четырем Франциям» А. Мишарина, «Пять романсов в старом доме» В. Арно — эти спектакли при своем появлении не производили впечатления сенсации. Они не поражали кричащей оригинальностью решений и фейерверком режиссерских находок. Но привлекли к себе внимание заложенным в них потенциалом мысли и высокой нравственности, реалистической глубиной актерских работ, свободно и как бы стихийно раскрывающихся в них. Создается даже впечатление, что эти работы сделаны вроде и без режиссерского вмешательства. Только уж больно точно вписываются они в столь же отчетливо читаемую режиссерскую концепцию, и оказывается, что эта актерская свобода определена рамками режиссерского задания.

А спектакли эти, как, впрочем, и многие другие, поставленные Александром Леонидовичем Дунаевым теперь уже более чем за тридцатипятилетнюю режиссерскую жизнь, отличаются прежде всего подлинная, глубинная интеллигентность, четкое понимание этической цели. Ну, и талант, конечно, — без таланта, само собой разумеется, ничего в театре не сделаешь. И ощущение себя — художника — неделимой частью всей советской культуры.

Со старинной Волхонки ходил мальчишка в предвоенные тридцатые годы на Никольскую, улицу 25 Октября, в театр, где репетировал Андрей Михайлович Лобанов. И Лобанов вроде бы и в шутку, а вроде и всерьез говорил актерам: «Вот Шурку спросите. Он скажет!». В шутку, наверное. Но ведь в каждой шутке есть доля правды. И репетиции, в которых он, казалось бы, и не играл никаких роли, естественно и закономерно привели молодого человека в ГИТИС.

Биография А. Дунаева не богата внешними событиями. Ему как бы и не выпадало громких дел. В театраль-

ном мире навсегда сохраняются воспоминания о студентах ГИТИСа, в первые месяцы войны добровольно ушедших на фронт. Люди театра свято хранят память о тех из них, кто сложил головы в боях с врагом, окружают почтительным вниманием тех, кто живет среди нас. Но мало кто знает, что среди тех студентов, кто пришел на призванный пункт на Красной Пресне, был студент режиссерского факультета Александр Дунаев. Он стоял в очереди добровольцев, уходящих на фронт с дивизией народного ополчения. Но судьба в образе армейского старшины рассудила иначе. Часть, уходящая на фронт, была скомплектована, и он оказался первым из тех, кто не попал в нее. И оказался он очень далеко от фронта, но тоже на фронте: на дальневосточном рубеже страны.

Видно, крепко вошли в душу эти годы. До сих пор ощущается в Александре Леонидовиче моряк — даже не скажешь в чем, но ощущается. Не отпускают человека военные годы, проведенные в пограничной морской авиации. Войны на Дальнем Востоке, как известно, в те годы не было. Но было состояние на грани войны, когда каждый день, особенно в пору успехов врага на Западном фронте, ожидали нападения, жили, что называется, в готовности номер один. И морской авиатор А. Дунаев сторожил небо Приморья, выполнял свой воинский долг и, как, впрочем, и все другие, мечтал о Западном фронте.

Но на Запад, в Ленинград, он попал уже позже, когда там сразу же после возобновления работы Ленинградского института театра, музыки и кинематографии оканчивал режиссерский факультет.

Армейская жизнь, люди Советской Армии прочно, навсегда вошли в душу режиссера. И кровная связь с армейскими театрами — не случайный эпизод в биографии, а результат душевной склонности. В армейских условиях человек проявляется полнее, однозначнее выявляет себя, имеет возможность или осуществиться вполне, или не осуществиться совсем. Категоричный императив ясности, кажется, и привлекал А. Дунаева к армейским театрам — Львовскому и Центральному театру Советской Армии, которым он отдал много лет.

Можно представить себе, что такое прийти в Центральный театр Советской Армии и занять в нем место Алексея Дмитриевича Попова. Это еще более трудно, если до этого ты в Москве вообще не работал, да и смотрят на тебя иной раз искоса — что это за режиссер, который взял на себя такую смелость. А он взял, хотя кто знает, чего это ему стоило. Но взял. И работал. И не просто работал, а создал ряд спектаклей, без которых нельзя теперь представить историю ЦАТСа. Среди них — «Океан» А. Штейна и «Не померкнет никогда» Н. Погодина. Хочется вспомнить погдинский спектакль — он кажется характерным для А. Дунаева.

Чем же пьеса Н. Погодина привлекла режиссера? Полагаю, открывшейся в ней возможностью заняться анализом мотивов, приводивших людей к революции. В памяти осталась огромная сцена театра, запруженная массой людей. На телеграфном столбе, обняв его одной рукой, повис красноармеец (играл его А. Кутепов). Фанатично, безграничной верой горят глаза. Он читает «Скифов». И в стихах Блока — полное и абсолютное выражение мыслящего, анализирующего свои порывы народа. Человек на пределе своих интеллектуальных возможностей раскрылся полностью и раскрыл тем самым глубокий и потаенный смысл пьесы. Думаю, не случайно этот, в сущности, эпизодический персонаж, именно эта, не самая главная у автора сцена, запомнилась на много лет. В ней выразилось режиссерское кредо А. Дунаева — выявить суть человека, раскрыть его в экстремальных обстоятельствах, открыть в человеке неожиданные глубины, которые в нем и предположить-то поначалу нельзя. Показывать людям, что они много, очень много, даже сами не знают, сколько, могут — вот добрая цель режиссера. Этим определяется выбор пьес, которые он ставит.

Может, потому одним из любимых авторов режиссера был и остается Л. Леонов. А из его пьес наиболее близкими становятся, пожалуй, самые беспощадные к своим героям: «Ленушка» и «Золотая карета». Вот ведь все потеряли герои этих пьес, а обрели в итоге себя. Так читаются вошедшие в историю леоновского театра спектакли Московского театра на Малой Бронной.

Вряд ли стоит удивляться, что любимым русским классиком у А. Дунаева на всю жизнь остался Ф. Достоевский.

— Достоевский вошел в сознание, наверное, потому, что нужно всегда искать возможности заглянуть в себя, — говорит Александр Леонидович. — А путь к анализу себя, дающий возможность исследовать и другие души, души героев пьес, указывает Достоевский. В нем все важно. Нет пустяков, нет мелочей. Нет проходных образов. С этой меркой стараюсь подходить ко всем авторам. Если этого у них нет, надо стараться привнести в спектакль эту глубину, через актера, конечно, главным образом. При таком анализе иногда оказывается, что главный герой пьесы, может, и не самый главный.

Воплощение русских классических традиций исповедального раскрытия героя, стремление заглянуть на самое дно его души — это, пожалуй, наиболее характерно для А. Дунаева во всех последних работах.

Ситуация в его спектаклях может быть обыденна, как в «Отпуске по ранению» или «Пяти романсах в старом доме», или кричаще необычна, открыто трагедийна, как в «Лунине», но манера постепенного, последовательного раскрытия героя, подведения его ко взрывам сюжета, обнажающим удивительное в человеке, — постоянна для режиссера.

Работы А. Дунаева осуществляются на сцене Театра на Малой Бронной. Не уставай удивляться человеку и душевным силам его, рассмотри его внимательно и примерь, как в себе самом сумеешь найти эти силы, как бы говорит А. Дунаев всеми своими спектаклями. И в этом — сам человек, и в этом — пафос его творчества.

● Народный артист РСФСР А. Дунаев.